

Евгений Гришин

СЛУЖЕБНОЕ
ЗАДАНИЕ

Автор: Евгений Гришин

Уважаемый читатель, все мои произведения написаны с целью напугать вас. Именно напугать, а не вызвать отвращения натуралистичностью или чрезмерной жестокостью сцен. Да, конечно, сам жанр ужасов, накладывает отпечаток на содержание, но всё же я сторонник старого, доброго саспенса, сторонник произведений страшных и жутких, но не отвратительных... ну... только разве чуть-чуть... Надеюсь, что вы получите истинное удовольствие не только от этого рассказа, но и от остальных моих работ... Итак, молодой журналистке поручили ответственное служебное задание - написать статью о старике, который никак не желает переселяться из своего дома на окраине города. Может быть, стоило оставить старика в покое...

Аромат свежесваренного кофе ещё больше поднял настроение Зои. Да, день сегодня, без сомнения, становился особенным. Она слегка улыбнулась кончиками губ, в глазах блеснули довольные искорки.

Миловидная секретарша, постукивая каблучками по дубовому паркету, поставила небольшой серебряный поднос на стол главного редактора. Тихо звякнула посуда. Как по волшебству, появились две белые салфетки.

- Что-нибудь ещё, Геннадий Иванович? - любопытный взгляд девушки незаметно скользнул по лицу Зои и её полной фигуре.

- Нет, Людочка, спасибо. Можете идти. - Баринов проводил масляными глазами удаляющуюся секретаршу и неторопливо взял чашечку дымящегося кофе. Его рыбий взгляд обратился в сторону Зои.

Он чуть кашлянул и нервно поёрзал в кресле.

Скрипнула кожа.

- Зоя... - Баринов снова кашлянул. - Ты уже слышала ту дурацкую историю о старике со Старой Балки? - Он недоверчиво взмахнул рукой, увидев вопросительный взгляд девушки. - Да, полно тебе? Ты меня разыгрываешь! Неужели, не слышала? Весь город только о нём и говорит!

Зоя виновато пожала плечами и смущённо улыбнулась. И в самом деле, не говорить же Баринову, что она уже две недели как не вылезает из редакции, разве что только не ночует. Да и сам он это прекрасно знает: Стаса раз пять на ковёр вызывал. А то, что она работает в отделе у Стаса Новицкого, он уж точно знает.

- Ну, да ладно, - смирился главред, - Это лишь немного усложнит твою задачу.

- Какую задачу? - Поперхнулась Зоя: рука с чашкой дрогнула, и она едва не пролила кофе на свою любимую белую кофту.

- Так Стас тебе ничего не сказал!? Вот сукин сын! - Баринов звонко хлопнул себя ладонью по ляжке.

- У него дочь приболела. Он с выходных дома сидит.

- Понятно... Вечно приходится всё самому делать. Ни на кого положиться нельзя. - Баринов грустно посмотрел на Зою, но через мгновение его взгляд оживился. - Ладно, тогда за дело! Времени у нас маловато.

Зоя поспешно раскрыла розовый блокнотик и приготовилась записывать.

- Если коротко, то в Старой Балке... Знаешь, где это? - Баринов откинулся в кресле и поскрёб пальцами щёку.

- Да, конечно. Полузаброшенный район на западе города. - Ответила Зоя. - Там ещё что-то строить собираются, вроде?

- Не «что-то», а трасса там должна пройти районного масштаба... А этот старый чёрт упёрся всеми копытами на своём участке и съезжать ни в какую не хочет. - Зло бросил он.

- Его городская управа уже не раз уламывала. Новую квартиру обещали. Но он всё на

своём стоит... В общем, местная общественность на дыбы по полной встала, скандал раздувает. А Управа хочет это дело замять по-тихому. Мне лично сам Терехов звонил, просил поспособствовать.

- А что от меня-то требуется? - Зоя нахмурила лоб и озадаченно уставилась на Баринова через стёкла больших очков в черепаховой оправе. Она любила эти очки, хотя многие говорили ей, что они делают её старше.

Главред снова поскрёб щёку.

- Тут такое дело... Будет задание тебе... - Он замолчал, подбирая слова. Затем бросил взгляд на часы. - Сейчас половина второго, а в пять ты встретишься с Кириллом из Управы. Знаешь его - зам Терехова по социальным вопросам. Да, ты не раз у него уже интервью брала. Созвонись с ним, когда от меня выйдешь. Договорись.

Зоя кивнула.

- Поедете к старику вместе. Терехов приказал Кириллу уломать сегодня несговорчивого пердуна любыми способами. А ты нужна там, чтобы статью потом написать, что всё было сделано по закону - к тебе доверие у населения есть. - Баринов криво усмехнулся, от чего его лицо с выпуклыми, рыбьими глазами на мгновение стало похожим на морду жабы. - В общем, любит тебя народ, девочка. Давай дерзай. И, смотри, не подведи меня - если что не так, то три шкуры сдеру. Обещаю. Хрен, потом, где устроишься. - Главред нахмурился и на полном серьёзе погрозил Зое пухлым пальцем. - Ну, а если всё сделаешь как надо, то за мной должок будет...

Зоя вышла из кабинета Баринова со смешанными чувствами. Радость от того, что на неё, наконец, обратил внимание сам главред, была омрачена тем фактом, что от неё, по сути, требовали подлости: ни о какой договорённости со стариком не могло быть и речи. Она знала Кирилла Владимировича Рохлина не первый год. Несмотря на возраст - ему было немного за сорок - и неслабую должность, Рохлин предпочитал, чтобы его называли просто Кириллом. Возможно, ему так проще было сходитья с людьми. Что, впрочем, у него и на самом деле отлично получалось. А, если к этому качеству добавить ещё изворотливость, хитрость и полное отсутствие каких-либо моральных границ, то он оставался для своего босса Терехова вообще незаменимым человеком...

«Ах, Стас!!! Ух, Стаси-и-и-к... - Тихо прошипела Зоя. - Вот гад!!! Точно... уже в пятницу понял, что дело пахнет дерьмом и решил дома отсидеться... Ребёнок у него заболел! Ага! Как же...» - Ручка хрустнула в руке девушки, и она непроизвольно ойкнула. На кафель посыпались остатки пластика. - «Блин! Ну и вляпалась же я!» - Зоя сокрушённо покрутила головой, вздохнула и направилась в столовую...

Без четверти пять она уже подходила к зданию Управы. Под ногами противно похрустывал подмёрзший снег, холодный ветер гонял по заснеженным дорожкам белые вихри. Зоя поёжилась и поплотнее затянула рукой воротник норковой шубы. Из замёрзших губ вырвалось облачко белого пара.

Чёртово здание находилось метрах в ста от ближайшей остановки автобуса. Монолитная машина, подсвеченная несколькими прожекторами, выделялась на фоне вечерних сумерек и разительно отличалась от серых, куцых пятиэтажек, окруживших её со всех сторон, подобно убогим шлюпкам, робко жмущихся к борту роскошного круизного лайнера. «Вот, где деньги крутятся» - подумала девушка, искоса поглядывая на здание и с трудом прокладывая себе дорожку через снежные заносы.

- Зоя! - откуда-то справа раздался знакомый мужской голос, прерываемый порывами ледяного ветра. - Идите сюда... к нам.

Она удивлённо оглянулась и увидела Кирилла, который стоял рядом с распахнутой дверью огромного чёрного джипа. Кирилл по-дружески помахал рукой, приглашая её внутрь машины.

- А мы все, как раз только собрались и вас высматриваем. - Рохлин дождался пока Зоя заберётся в машину и захлопнул дверь.

Внутри было уютно и тепло. Из приёмника доносилась тихая музыка. В полумраке Зоя разглядела ещё двух человек. На переднем сиденье рядом с водителем в пол оборота сидел высокий худощавый мужчина. Он обеими руками придерживал на коленях небольшой портфель. А справа от неё пристроился молодой человек в милицейской форме. Взгляд Зои профессионально скользнул по его пагонам. «Лейтенант» - отметила она. - «Он-то чего здесь забыл?»

Рохлин, наконец, устроился на переднем сиденье и развернулся назад. На его лице играла обычная дежурная улыбка.

- Ну, раз нам сегодня предстоит вместе провести остаток этого чудного вечера, то давайте знакомиться. - Кирилл указал рукой на Зою. - Начнём с дамы. Позвольте представить, Зоя Владимировна Хлебникова. Замечательный журналист из редакции не менее замечательной и уважаемой всеми газеты «Городские вести». (Зоя зарделась - её ещё редко называли по имени отчеству - но промолчала). Её задача - информационное обеспечение нашего общего мероприятия... А это, - Рохлин слегка кивнул в сторону мужчины рядом с собой, - Виктор Иванович Гро...

Он не договорил. Мужчина протестующе приподнял руку.

- Кирилл, давайте обойдёмся без формальностей - просто «Виктор Иванович»... - У мужчины был спокойный и сильный голос. - Так сказать, представитель инвесторов, заинтересованных в проекте. Я думаю, что этого будет вполне достаточно для знакомства.

- Окей. - Кирилл понимающе закивал головой и тут же переключил всё своё внимание на лейтенанта. - И, наконец, фигурально выражаясь, «силовая часть» нашей маленькой группы - уважаемый Алексей Николаевич, участковый со Старой Балки. Просто незаменимый человек на случай вооружённого сопротивления.

Зоя испуганно ойкнула, а Виктор Иванович озадаченно посмотрел на Кирилла.

- Да, расслабьтесь вы. - Захохотал Рохлин. - Пошутил я, чтобы обстановочку разрядить... Какое, нафиг, вооружённое сопротивление: старик - божий одуванчик, дунь и рассыпится.

- Ну и шутки у тебя, боцман. - Зло сказал Виктор Иванович. - Давай уж, поехали. Ночь на дворе.

Заурчал мотор, и машина медленно двинулась по заснеженной аллее в сторону трассы. Под широкими колёсами надрывно заскрипел снег...

До Старой Балки, одного из старейших районов города на двести с лишним дворов, они добрались без особых приключений. Это место с трудом можно было назвать районом: небольшие, по большей части, деревянные дома, напоминали скорее деревню, чем городской квартал. В общем-то, именно так оно и было. После революции в эти места нагрянули большевики, и небольшая деревня в лесной глуши за десяток лет расширилась до берегов Иртыша, а потом стала уже и частью города. Город пережил и войну, и перестройку, но, со временем, молодёжь стала покидать Старую Балку и перебираться подальше от насиженных мест. В нулевые Старая Балка почти совсем опустела. Позже, её пытались освоить дачники, но, по-видимому, у этого места была своя судьба. Район доживал свой век вместе со своими стариками...

- Чёрт! - Кирилл последний раз выжал газ, и зло ударил ладонью по рулю. Машина дёрнулась и заглохла. - Застряли. Обрато выберемся, но к деду придётся идти пешком.

- Может в объезд? - Предложил Виктор Иванович. - Не хотелось бы по сугробам топтать.

- Да какой нафиг объезд?! Здесь уже пару недель никто толком снег не убирал - почти на полметра навалило. - Кирилл неуклюже вылез из машины и зло сплюнул в сторону. - Объезда тоже нет. Планом дуболомы не предусмотрели.

- Далеко отсюда?

- Нет, метров сто. Вон там дом, за поворотом. - Кирилл открыл заднюю дверь и, наклонив голову, заглянул внутрь салона. - Зочка, дорогая, пешком придётся идти. Не

обсудьте. - Невесело сказал он. - Мы мужики уж как-нибудь, а вы давайте след в след - так легче будет.

- Да, вы не беспокойтесь, Кирилл. - Зоя вышла из машины. - Мне не привыкать.

- Ну-ну. - Ухмыльнулся Кирилл. - Тогда не отставайте.

Метель усилилась и уже бушевала всюду. Ледяная крупа покалывала лицо, нагло лезла под одежду. Впереди, на перекрёстке голубоватым светом горел одинокий фонарь.

Зоя прислушалась.

Вокруг стояла какая-то жуткая, нереальная тишина. Не было слышно даже, обычного для таких мест, отрывистого перелая собак. Всё казалось вымершим и заброшенным.

Зоя плотно запахнула шубу, натянула пониже капюшон и, нагнув голову, двинулась вслед за мужчинами...

Вскоре они подошли к невысокому, покосившемуся от времени, забору. Сквозь доски в синем полумраке виднелся большой каменный дом. Окна первого этажа были наполовину прикрыты тяжёлыми ставнями, между которыми пробивалась широкая полоса света. Окна же второго этажа смотрели наружу чёрными бездонными глазницами.

Во двор они вошли без приглашения: Кирилл помнил, что у хозяина нет собаки и, поэтому, безбоязненно открыл заиндевевшую старую щёлку и толкнул калитку. В морозном воздухе тихо скрипнули потревоженные петли.

Свет уличного фонаря с трудом проникал во двор, но, пока они гуськом пробирались к высокому крыльцу, Зоя успела разглядеть, что перед самым домом было на удивление чисто: хозяин, несмотря на солидный возраст, старательно поработал лопатой и разгрёб снег до самого ступеней. Сам же участок был не больше десяти соток, метрах в пятнадцати правее дома в темноте угадывался контур забора и голый остов небольшой теплицы.

- А вот и гость. - Дверь дома неожиданно распахнулась и в свете дверного проёма возникла невысокая коренастая фигура. - Кирилл Владимирович, вы ли это? - В голосе хозяина почти совсем не было старческих ноток.

- Я... Я, Мирон Елизарович. - Нарочито дружелюбно откликнулся Кирилл, поднимаясь по, запорошенным снегом, ступенькам и отряхивая перчаткой брючины. - Да только не один я, а с гостями.

Хозяин чуть наклонил голову и, казалось, только сейчас разглядел трёх человек за спиной Кирилла.

- Ну, не на морозе же их держать... Раз уж пришли, заходите в дом. - Мирнолюбиво протянул Мирон Елизарович и отступил в сторону, пропуская гостей внутрь.

Когда Зоя шагнула через порог, то заметила на себе цепкий взгляд старика. Лишь на мгновение в его чёрных глазах мелькнула неуверенность, но тут же уступила место деланному радушию.

- Извините, Мирон Елизарович, припозднились мы. - Стал оправдываться Кирилл. - Машина в снегу застряла, пришлось пешком идти.

- Да бог с вами, мне старику спешить не куда, разве что на тот свет. - Чуть улыбнулся сквозь окладистую седую бороду хозяин. - Но, правда ваша, совсем забросило нас начальство: снегом всё завалило, не пройти... да и не проехать. - Вдруг старик засуетился.

- Да, не стойте же здесь, раздевайтесь вон на ту вешалку и в горницу проходите. Там теплее. А я пока чайку горяченького сварганю.

В доме, действительно, было прохладно, и чувствовался небольшой сквозняк. Зоя с неохотой сняла тёплую шубу. Хотела было снять сапоги, но увидев, что Кирилл и Виктор Иванович бесцеремонно направились по чистому паласу в обуви, после недолгого колебания, решила последовать их примеру, тем более что она жутко замёрзла и боялась заболеть.

Старик уже ждал их в «горнице», больше напоминавшей кухню. Он суетился рядом с мойкой, позвякивая чашками и блюдами. Там же шумел, закипая, алюминиевый чайник времён восьмидесятых.

Взгляд Зои сразу же привлек большой дубовый стол, расположенный в центре. По всей видимости, стол был очень старым: его поверхность рассохлась и потемнела от времени. Вокруг стола стояло несколько выдавших виды стульев, а вдоль окон тянулась длинная, затёртая до блеска, деревянная скамья. Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта и сквозь небольшую щель виднелась старинная кровать с чугунными спинками, придвинутая к стене и аккуратно застеленная бежевым покрывалом.

Девушка присела на один из стульев и только сейчас при ярком свете оранжевого, похожего на новогодний апельсин, абажура смогла, наконец, разглядеть старика.

Небольшого роста, крепкий, он не производил впечатления глубокого старца, хотя за обедом Зоя успела прочесть, что старику уже восемьдесят семь. Длинные, седые добела, всклокоченные волосы, внушительная борода, полный нос и очень живые, чёрные глаза, по-молодому блестящие из-под косматых бровей. Одет старик был по-деревенски просто, но опрятно: белая на выпуск рубаха, оставшаяся, по всей видимости, от старого костюма, чёрный, незаношенный до дыр тренировочный, да серые войлочные тапки на босу ногу. Рассматривая старика, Зоя неожиданно вспомнила фразу из Набокова - «слащаво-евангельский вид». Да, именно это описание и подходило к внешности деда.

- Молодой человек, - обратился старик к участковому, - вас не затруднит принести из коридора ещё один стул?

Лейтенант кивнул и вышел из комнаты.

Тем временем хозяин поставил на стол четыре чашки с крепким, горячим чаем и миску с маковыми баранками.

- Угощайтесь, пожалуйста, чем бог послал. - С улыбкой проговорил он и скромно уселся на один из стульев рядом с Зоей.

- А вы? - Спросил Кирилл.

- Я уже отужинал. - Неторопливо ответил тот.

Лейтенант вернулся со стулом и осторожно присел рядом с Виктором Ивановичем. Тот сидел прямо, положив руки на портфель, и рассматривал старика нехорошим взглядом.

Мирон Елизарович скосил глаза в его сторону, потом выжидательно посмотрел на Кирилла, который с энтузиазмом макал баранку в чашку с крепким чаем.

- Так с чем снова пожаловали, Кирилл Владимирович? - Наконец с тоской в голосе спросил дед.

Кирилл отложил баранку на край блюдца, вытер ладонью полные губы. Причмокнул.

- Да, всё с тем же, Мирон Елизарович. - Со вздохом сказал он. - Переезжать вам надо. Вот, даже подмогу с собой привел: всем миром уговаривать вас будем.

Старик молчал, медленно пожевывая губами. В его взгляде появилась грусть.

- Мирон Елизарович, - Кирилл неохотно отодвинул чашку в сторону и положил руку ладонью на стол, - все ваши соседи уже съехали и, поверьте мне, очень хорошо устроились. Если мне не верите, то спросите вот у товарища участкового. Правда, ведь, Алексей Николаевич?

Лейтенант смущённо кивнул головой, но старик не обратил на него никакого внимания.

- Да, верю я вам, верю, Кирилл Владимирович... Только не могу я отсюда съехать. Дом мой здесь и кровь моя здесь жила, здесь и осталась. Вон оградки за рощей стоят. Как же я их брошу.

- Мы прекрасно понимаем ваши чувства, но и вы тоже поймите нас. Проект уже согласован, из федерального бюджета выделены деньги. Ни я, ни Терехов, ни даже сам мэр - никто уже не в состоянии что-либо изменить. Примите это, как должное, дорогой наш Мирон Елизарович... А, родню вашу мы перевезём. Как положено, по всем традициям.

Кирилл снова бросил быстрый взгляд на Виктора Ивановича.

- Ну, не могу я, мил человек. Ну, никак не могу. Боже ж ты мой! - В слабом голосе старика послышалось отчаяние. Зое стало его жалко. - Как мне тебе ещё объяснить? Не по-людски всё это - с насиженного веками места человека сгонять. Не по-людски...

Послышался скрип стула: участковый робко поменял позу. Он, молча, переводил взгляд то на Кирилла, то на старика.

- А, нам, что прикажете делать? - Тон Кирилла стал немного жёстче, в нём мелькнуло раздражение. - Если мы сегодня не обеспечим строительство трассы, завтра - вылетим на все четыре стороны. Вы думаете, всё тогда по-старому станет? - Кирилл нервно поднялся на ноги. - Нет! На наше место придут другие, не такие добрые, как мы. Не только перестанут убирать снег, но и электричество с водой отключат. Что тогда делать будете?

Обстановка в комнате явно накалялась.

- Мой век долог и не такое переживал. Как-нибудь да справлюсь. - Упрямо ответил старик.

Кирилл снова присел за стол, поправил, съехавший в сторону, галстук, немного помолчал, покусывая губы. Затем обменялся взглядами с Виктором Ивановичем. В глазах того уже тоже читалось раздражение.

- Мирон Елизарович, - наконец осторожно начал он, - вы разумный человек. Пожили вы много, как сами только что заметили, и повидали тоже многое...

Зоя, всё это время не сводившая взгляд со старика, заметила слёзы на его глазах. Да и сам он как-то поник весь, сморщенные пальцы бесцельно затеребили край рубахи.

- Ну, признайтесь, - ухмыльнувшись, продолжал Кирилл, - сами ведь понимаете, что эта трасса нужна людям. Городу. Всем нам. Давайте, наконец, подпишем бумаги. Не упрямитесь... И насчёт переезда не волнуйтесь - город вам поможет. Я лично прослежу. Всё будет в полном ажуре.

По хмурому взгляду Виктора Ивановича, Кирилл понял, что сболтнул лишнее и прикусил язык.

Старик склонил голову, седые пряди медленно сползли на его лицо. Он молчал. В комнате наступила тишина. Лишь ставни поскрипывали под напором ледяного ветра. Зое стало противно от того, что её сделали невольным участником этого жестокого фарса.

Затянувшуюся паузу прервало нетерпеливое постукивание пальцами по столу. Виктор Иванович театрально кашлянул.

- Что скажете, Мирон Елизарович? - Зое показалось, что он получает удовольствие от издевательства над стариком. Ей захотелось встать и с размаху влечь ему пощёчину. - Предложение-то хорошее.

Дед выпрямился. Его печальные глаза с надеждой скользнули по лицу Зои. Девушка поджала губы, отвела взгляд в сторону.

- Алексей Николаевич, - глаза старика остановились на бледном, худом лице участкового и тот снова заёрзал на скрипучем стуле, - хоть вы-то замолвите словечко за старика.

- Не могу я, отец, - с трудом выдавил из себя лейтенант, словно слова застревали у него в горле. - Понимаю тебя, но не могу. Служба у меня такая.

- Ты службой не прикрывайся, супостат. - Беззлобно бросил ему старик. - Где это видано, чтобы человека из дома выгонять?

- Так тебя, дед, не выгоняют, тебе жильё дают.

- На кой ляд мне это ваше жильё. Мой дом здесь и точка. - Он встал и начал убирать чашки со стола. Его руки дрожали. - Знаю я вас, иуд, обманите. Не поеду я никуда.

- Ладно, старик, хотели по-хорошему, да не судьба видно... - Виктор Иванович взял инициативу на себя. - Алексей Николаевич, давай тогда всё по закону. Будь добр.

Участковый тяжело вздохнул, взял со стола чёрную кожаную папку, потянул молнию. Послышался шорох бумаги, в его руках появился лист с мелким текстом и большой синей печатью.

- Морозов Мирон Елизарович. - начал он казённым тоном. - Вы будете?

- С утра был я. - Вздохнул старик и снова присел на стул, сгорбив и без того сутулые плечи.

- Гражданин Морозов, - лейтенант выпрямил спину и положил листок перед стариком, - городская администрация подала иск в районный суд на ваши действия, которые срывают сроки реализации, принятого городом, решения по строительству важной государственной трассы. Прошу вас, ознакомьтесь с иском и подпишите повестку. Вам надлежит явиться завтра в 10.15 в районный суд по указанному в повестке адресу. - Участковый положил перед стариком повестку и ручку. - В случае вашей неявки в назначенное время, решение мирового судьи будет принято без вашего личного присутствия. Вам всё ясно, Мирон Елизарович?

Старик угрюмо сдвинул брови, нехотя взял ручку, немного покрутил её в руке, о чём-то раздумывая, и поставил короткую подпись.

- Нате, берите... - Плюнул он себе под ноги. Комок желтоватой слизи смачно впечатался в пол. - Подавитесь... Только, я костями здесь лягу.

Кирилл и Виктор Иванович коротко обменялись озадаченными взглядами, и Зоя поняла, что они рассчитывали совсем на другой эффект: припугнуть старика повесткой не удалось.

Наступило тягостное молчание. Виктор Иванович поглядывал на деда нехорошим взглядом. То не оставался в долгу - чёрные глаза зло зыркали в ответ из-под густых, нависших бровей. Взгляд старика уже не был добрым, наоборот, в нём появилось что-то хищное и нелюдимое...

Тягостную тишину прервали короткие трели звонка из кожаного портфеля Виктора Ивановича. Мужчина нехотя оторвал взгляд от старика, и пошарил рукой в глубине портфеля, достал телефон, прижал к уху.

- Да, слушаю. - На его лице появилось раздражение. - Нет. В процессе. - Он поднялся и неторопливо направился в коридор, поскрипывая половицами. - Да, показали... Ничего... Думаю. - Скупые, короткие фразы долетали уже из глубины коридора. На некоторое время наступила тишина. - Да, понял... Хорошо... под вашу ответственность.

Он вернулся в комнату и уселся на стул перед стариком. На его неприятном лице заиграла плотоядная улыбочка. Глаза смотрели нагло и бесцеремонно.

- Мирон Елизарович, - как ни в чём не бывало начал он, - как мне кажется, мы сможем решить эту... м-м-м... неприятную ситуацию и сгладить, так сказать, все острые углы без участия суда.

На лице Зои мелькнуло удивление, но глаза старика продолжали смотреть хмуро и настроенно.

- Мы хотели бы предложить вам, - Виктор Иванович опустил руку в портфель и извлёк наружу внушительную пачку купюр, перетянутых зелёной канцелярской резинкой, - дополнительную компенсацию за вызванные неудобства, связанные с переездом. Здесь, - он указал пальцем на пачку в своей руке, - сто тысяч рублей. Поверьте, это очень приличная сумма за... скажем так, одолжение с вашей стороны. - Мужчина положил деньги на стол перед стариком. - Мы будем очень признательны вам, если примите наше предложение.

Старик не притронулся к пачке. Он продолжал неподвижно сидеть на стуле, и лишь желваки туго и зло ходили по его широкой челюсти.

- Возьмите деньги. - Виктор Иванович слегка подтолкнул пачку ближе к старику, - Ну же, не стесняйтесь. - Он помолчал, внимательно разглядывая деда, но что-то настораживало его в этом угрюмом молчании. - Мирон Елизарович, ау! Вы меня слышите? Возьмите деньги.

Казалось, что старик его не слышит.

- Ну-у-у.. так не пойдёт, дорогой вы наш... Не будем мы в молчанку играть... и вам не дадим. - Мужчина сделал вид, что ненадолго задумался и неторопливо потёр выбритую щеку. - Знаете что? Наверное, мы сделаем так: я добавлю к этой сумме ещё столько же. И вы соглашаетесь... Идёт?

Неожиданно старик с шумом упал на колени. Из его груди вырвались тяжёлый, надрывный всхлип.

- Касатики-и-и-и, родненьки-и-и, не губи-и-и-те! Христом богом прошу. - Запричитал он взахлёб дурным голосом и схватил Виктора Ивановича за локоть. Тот стал брезгливо вырывать руку. На щеке старика появились сопли, он наотмашь смахнул их рукавом. - Родные, род... родные вы мои... Оставьте мне дом. Умру я без него. - Виктор Иванович, наконец, оттолкнул деда. Тот упал на пол, но сразу поднялся и протянул сморщенные ладони к участковому. Лейтенант поспешно вскочил на ноги, и оторопело попятился к стене. - Ей богу сдохну в одночасье... Не берите грех на душу. Пожил я уже достаточно. Дайте спокойно умереть в своей постели...

- Совсем, дед, сбрендил? - Прервал его грубый голос Виктора Ивановича. Старик замолк и всхлипнул. У Зои защемило сердце при взгляде на его лицо: седые волосы слиплись от слёз и превратились в густые космы, глаза покраснели, губы дрожали. - Бери деньги. Тебе на пару лет хватит. Хоть сдохнешь, как человек.

Старик медленно поднялся с пола, неуверенно опираясь о стул обеими руками. Хрипло откашлялся в кулак. Вытер ладонью слёзы.

- Пойдем-ка, дед, поговорим с глазу на глаз. - Виктор Иванович похлопал его по спине и бесцеремонно направился в сторону приоткрытой двери в соседнюю комнату. На ходу он подмигнул Кириллу.

Мирон Елизарович тоскливо ссутулил плечи и обречённо направился вслед за ним. Скрипнула, закрываясь, дверь. В комнате наступила тишина.

Зоя открыла сумочку и достала телефон. Неоновые цифры показывали четверть восьмого. Алексей Иванович нервно покусывал губу и сосредоточенно рассматривал тонкое обручальное кольцо на своём безымянном пальце.

- Ух-х-х... - Выдохнул Кирилл, театрально вытер лоб и с улыбкой оглядел Зою и лейтенанта. - Ну и задал дед жару! Я уж думал, его кондратий хватит... - Он покачал головой. - Силён старик. Прямо артист! Но, ничего, Виктор с ним справится.

Из-за закрытой двери донеслись приглушённые голоса.

- Что-то волнуюсь я за старика. Как бы скорую не пришлось вызывать. - Зоя скосила глаза на дубовую дверь и вздохнула. Потом посмотрела в глаза Кириллу. - Квартиру город ему не даст? Так ведь?

- Зочка, милая, - тот зевнул, - уж вы-то, лучше всех в этом городе, должны понимать, как обстоят дела с жильём. Многодетные годами очереди ждут. А тут - старик из берлоги. - Кирилл гадко ухмыльнулся. - Поставит подпись, и запихнут его к алкашам на отшибе. Через год, поди, лапы склеит.

Метель на улице усилилась, сквозь ставни слышались тоскливые завывания ветра.

- А остальные? Их куда пристроили?

Кирилл тоже покосился глазами на дверь, на его лице на мгновение промелькнуло озабоченное выражение.

- Остальные... - Он рассеянно поскрёб пятернёй затылок. - Да, не было особо остальных - всего-то три калеки на деревню. Дома уже давно пустуют... Дачники здесь не прижились - участки почти даром сбросили, да ещё и благодарили. А оставшихся стариков мы по домам престарелых распихали. Вот и все дела... Только, Зочка, - Кирилл внимательно посмотрел на девушку, его взгляд стал цепким и жёстким, - я вам этого не говорил. Для печати - все белые и пушистые. Вы меня поняли?

- Да, конечно, Кирилл. - Зоя не смогла выдержать его взгляд и опустила глаза, нервно до боли прикусив губу.

- Вот и отлично! - Кирилл тоже посмотрел на часы. - Что-то заболтались наши голубки. Пора бы уже и по домам... - Он без стеснения потянулся. Хрустнули суставы. - Эх, сейчас приеду и в баньку. А потом по холодненькому пивку... Зочка, Алексей Николаевич, а давайте-ка вместе со мной! Парку поддадим после морозца, венички дубовые запарим. А

еще у меня кресло массажное есть - недавно знакомые отблагодарили. Десять минут в нём и...

Кирилл оборвал фразу на полуслове.

Из-за закрытой двери внезапно послышались звуки возни...

Затем что-то упало.

Кто-то зло выругался тяжёлым матом.

Всё внутри Зои похолодело от нехорошего предчувствия, во рту стало горько и противно.

Участковый вскочил со стула и бросился к двери комнаты, Кирилл поспешил следом, неуклюже зацепив на ходу одну из чашек на столе. Раздался звон бьющегося стекла. Осколки веером разлетелись по полу кухни.

Но дверь открылась раньше, чем они подбежали к ней. На пороге стоял Виктор Иванович, на его лице играла странная, но довольная улыбка, правой рукой он бережно засовывал в карман пиджака, сложенный вчетверо лист. На костяшках его руки зловеще алели капли крови.

- Ну, вот и всё. - Будничным тоном проговорил он, оглядывая невозмутимым взглядом, замерших перед ним, мужчин. Его голос был похож на голос хирурга, который только что вырезал у пациента аппендицит или голос врача, сделавшего укол от гриппа. - Не прошло и года...

- Вить, ты совсем охренел что ли? - Растерянно выдохнул Кирилл, заглядывая через его плечо в комнату: старик сидел на кровати и пялился на дверь удивлёнными глазами, в углу рта и в седой бороде расплылось широкое тёмное пятно. - Не было уговора деда трогать.

- Остынь... Так надо было. - Виктор Иванович бесцеремонно отодвинул его рукой, широким шагом прошёл к столу и остановился напротив, опешившей от дикости происходящего, Зои. На участкового он не обратил ни малейшего внимания. - Зоя Владимировна, - мужчина посмотрел на неё сверху вниз равнодушным взглядом, неторопливо достал из кармана брюк белый платок и осторожно промокнул им костяшки пальцев, - лично я был против вашего участия в данной истории, впрочем, как и против участия прессы в принципе. Терехов настоял. А мы, сами понимаете, люди подневольные... Но, как бы там не сложилось, боржомом пить уже поздно. - Он усмехнулся и продолжил. - И дураку видно, что вы не ожидали такого поворота, поэтому... скажем так, чтобы вам не дай бог дров с перепугу не наломать, найдите завтра непременно время заскочить в кабинет Кирилла Владимировича часиков так в десять. И я там буду. Поговорим, обсудим что да как... Договорились?

Зоя не успела ответить: со стороны двери донеслось негромкое покашливание и короткий ехидный смешок.

Все обернулись.

В проёме двери стоял старик. Он утирал рукавом губы, размазывая по бороде тёмные пятна крови. Ворота и нижние пуговицы рубахи были оторваны, обнажая морщинистую шею и свесившийся наружу рыхлый живот.

Старик снова издал ехидный, утробный смешок, чуть приподняв в улыбке уголки губ, и, неспеша, вошел в комнату.

Кирилл невольно отступил в сторону, пропуская его к столу.

На старике не было тапок и в наступившей тишине отчётливо было слышно, как его босые ноги влажно шлёпают по крашеным доскам пола.

- Чего надо, дед? - Виктор Иванович хмуро глянул на старика. - Уже всё с тобой порешали. Завтра монетки свои пакуй.

Старик, молча, обошёл стол и осторожно присел на край деревянной скамьи недалеко от Зои. Он положил руки на колени, его взгляд скользнул по участковому, потом по Кириллу и остановился на девушке. В чёрных, как смоль, глазах поблёскивали дикие

искорки. Зое стало не по себе от этого взгляда: в нём не было ни страха, ни боли, напротив, взгляд старика был спокоен, но в нём читалось скрытое безумие.

- Всё, да не всё. - Медленно, с расстановкой то ли прохрипел, то ли прошипел старик. Он обращался к Виктору Ивановичу, продолжая при этом пристально смотреть в глаза Зою. Желтоватый свет лампы поблёскивал на его мокро от пота лице. Зое показалось, что в комнате запахло чем-то резким и тяжёлым.

- Шёл Авдотий через лес... - С издёвкой в голосе продолжал старик. - Там настал ему... - Он смачно матюгнулся со всё той же нехорошей усмешкой, оскалив жёлтые крепкие зубы.

Девушка бросила растерянный взгляд на Кирилла - на его полном лице проступило беспокойство, густые брови сошлись чёрной дугой. Он нерешительно застыл на месте, покусывая нижнюю губу и хмуро разглядывая то ухмыляющегося деда, то Виктора Ивановича, в раздумье потирающего острый подбородок.

- Не ходи Ивашка в лес, там придёт тебе... - Снова матюгнулся дед, прикрыл глаза и неторопливо облизал шершавым языком толстые, красные губы.

- Лёш, «психушку» вызывай. - Внезапно оживился Виктор Иванович, в его глазах вспыхнул недобрый огонёк. - И своего шефа, Кудряшова, сюда живо... Так даже лучше будет... - Он подошёл к столу и упёрся в него ладонями, немного подался вперёд, весело разглядывая старика и продолжая привычным голосом отдавать команды. - А ты, Кирилл, свяжись с Фокиным, пусть своих ребят на скорой проинструктирует, чтобы вели себя правильно... Ну, отец, вот тебе и Юрьев день!

Старик приоткрыл глаза, лениво и равнодушно, чуть наклонив голову, повернул лицо в сторону мужчины.

- А, ты не торопись, соколик ясный. - Его голос стал ещё на тон ниже. - Уважь деда, - Уже пробасил он откуда-то из глубины своего чрева, - ещё раз.

Одним резким и сильным движением старик, словно огромная обезьяна, оторвался от скамьи. Перед изумлёнными глазами Зою мелькнула его рука и через мгновение, дед, позвериному припав на корточки и глухо впечатав в стол широкие ладони, грузно опустился прямо напротив Виктора Ивановича.

С грохотом посыпалась посуда, под тяжестью тела жалобно скрипнули вековые доски, баранки со стуком упали на пол и россыпью покатались под ноги оцепеневших мужчин.

Зоя с ужасом смотрела на замершего старика: в этой, нелепой для его возраста, позе было что-то хищное и дикое. Длинные, желтоватые пряди скрывали лицо деда, но в тишине отчётливо было слышно его тяжёлое, но мощное дыхание. Белая рубашка насквозь промокла от пота, а подмышками покрылась грязно-жёлтыми пятнами. Очень сильно запахло мускусом: девушка не могла ни с чем спутать этот едкий, резкий запах - так пахнут вольеры с животными в городском зоопарке.

Из рук Кирилла с тупым стуком выпал телефон. Мужчина, казалось, даже этого не заметил: с приоткрытым, словно у ребёнка, ртом он, как и Зоя, с недоумением разглядывал застывшего старика.

Виктор Иванович от неожиданности отступил назад и вскинул было руки, но тут же быстро опустил их и бросил короткий взгляд на Зою. В его глазах промелькнул страх.

- Дед, комедию заканчивай перед нами ломать. - Он подошел на шаг ближе. - Сейчас скорая подъедет, вот тогда и юродствуй сколько душе угодно.

Старик издал глухой звук, похожий на рык.

Виктор Иванович нерешительно остановился. Чуть прикусил губу.

- Слышь, дед? Ты здесь кульбиты не выделывай. Слазь со стола, говорю.

Старик сильно выдохнул воздух и снова втянул его мелкими, чмокающими вдохами, чуть приподняв, скрытое под седыми космами лицо. Затем, его голова немного наклонилась вправо, словно он осторожно оценивал, стоящего перед ним мужчину.

- Да, чё с ним цацкаться!?! - Неожиданно оживился Кирилл. - Вить, давай его сами побыстрому скрутим? Делов-то!

- Ну, дед, сам напросился... - Виктор Иванович решительно шагнул к старику и протянул вперёд узкую, жилистую ладонь.

Отчаянный взгляд Зои на секунду скользнул по ухмыляющемуся лицу Кирилла.

Побледневшему Алексею.

Внезапно выгнувшейся, словно у кота, спине старика.

По его рукам.

- Стой! - В панике громко выдохнула девушка.

Но было слишком поздно: Виктор Иванович уже вцепился в плечо деда, и грубо рванула его на себя.

Раздался тонкий треск рвущейся рубашки.

А уже в следующий миг голова старика стремительно метнулась к плечу мужчины, резко, с глухим урчанием по-собачьи дёрнулась из стороны в сторону и быстро отпрянула назад.

Виктор Иванович заорал дико... визгливо...

Из плеча вверх, сквозь порванный рукав, туго ударила струя крови. За секунды алые пятна густо окропили потолок, пол, рубашку и волосы старика. Сквозь седые окровавленные пряди на мгновение показался и снова скрылся толстый раздвоенный язык. Мертвенно-бледные, покрытые тёмными пятнами, костлявые кисти существа хищно подобрались, глубже и со скрипом вдавив в столешницу чёрные, матовые когти.

Зоя застыла на месте, крепко зажав потной рукой, распахнутый в беззвучном крике рот. Она с ужасом наблюдала, как Виктор Иванович упал на колени и надрывно завыл, пытаясь придавить ладонью, разорванную острыми зубами, артерию. Его окровавленные пальцы тщетно заскользили по набухшим краям пиджака и липкой коже. Он судорожно протянул руку Кириллу, но тот в панике подался назад, но тут же резко согнулся пополам и с громким стоном выплеснул изо рта остатки непереваренного обеда.

Существо вновь наклонило набок голову, уже с издёвкой рассматривая, лицо залитого кровью, человека. Только сейчас, седые волосы сбились в сторону, приоткрыв уродливую, белёсую морду с желтоватыми пятнами лишая. Массивная, выпуклая челюсть медленно поползла вниз, среди острых зубов мелькнул раздвоенный язык. Плоский, словно доска, нос жадно втянул резкий запах крови...

Тварь бросила быстрый косой взгляд на Кирилла, нелепо согнувшегося пополам и вытирающего жёлтые сопли рукавом дорогого пиджака... застывшего у стены, Алексея. Собачья морда чуть ухмыльнулась, дёрнув пухлыми губами. Налитые кровью, глаза снова хищно уставились на, скулящего от ужаса и боли, Виктора Ивановича.

Существо утробно зарычало...

И вдруг, выбросив перед собой лапы, стремительно прыгнуло вперёд. В одно мгновение оно сбilo на пол, пронзительно верещащего, мужчину, тяжело взгромоздилось на его грудь и впилось зубами в лицо. Комната наполнилась громкими звуками плотоядного урчания, хруста костей и булькающими всхлипываниями.

Истошно закричала Зоя.

Тварь остервенело и жадно рвала зубами беспомощные руки, плечи, снова лицо... и, наконец, вцепилась в мягкое горло. Тело человека неестественно выгнулось, он ещё раз взмахнул и ударил ногами о доски пола и затих.

Наступила тишина...

Вокруг, изорванной в клочья, головы быстро расплзлось огромное багровое пятно. Существо громко сглотнуло, разжало челюсти и приподняло голову. Затем встало на колени, по-собачьи облизывая длинным лиловым языком костлявые лапы. По краям широкого рта повисли длинные нити мутной слюны.

Тесную комнату постепенно стал заполнять густой запах крови и рвоты.

В дальнем углу тихо заскулил Кирилл: он сжался в жирный комок и обхватил колени руками, его голову и плечи била крупная дрожь, на потном, побелевшем, как мел лице застыло выражение дикого ужаса.

Тварь даже не повернула головы в его сторону, а лишь слегка пошевелила длинным заострённым ухом и продолжала дальше с явным удовольствием и влажным чавканьем слизывать следы крови со своих пальцев.

Под порывами ледяного ветра тихо звякнуло оконное стекло.

Где-то в глубине коридора скрипнула половица.

Со столешницы на пол, словно весенняя капель, стекали остатки разлитого чая...

Вдруг раздался слабый металлический щелчок. Тварь стремительно дёрнулась, но в ту же секунду жуткую тишину разорвал оглушительный хлопок выстрела. Пуля ударила в жилистое плечо существа, резко развернула его и отбросила на пол.

В центр комнаты шагнул Алексей, в его дрожащей руке дымился пистолет.

Следующий выстрел слился с яростным шипением. Сильным движением тварь по-кошачьи извернулась и вскочила на ноги. В одно мгновение она преодолела расстояние до человека, схватила его за плечи, и яростно вцепилась зубами в горло.

Раздался влажный хруст хрящей.

Громкий стон.

Алексей беспомощно задёргался в железных объятиях, вскинул руку с пистолетом и нажал на курок.

Три выстрела прозвучали почти одновременно.

Над головой Зои вдребезги разлетелось стекло.

Затем что-то громко хлопнуло, и дом погрузился во тьму...

Зоя уже не слышала, как на пол с тупым стуком рухнуло безжизненное тело Алексея, как тварь с хрустом разорвала его грудь, зло вырвала внутренности и раздражённо отбросила их в сторону Кирилла, а потом подняла вверх безобразную, залитую лунным светом, морду и завывала громко и протяжно... И, конечно, она никак не могла слышать, как на этот зов из темноты деревни ответили другие голоса... такие же одинокие и печальные...

Девушка пришла в себя от того, что кто-то настойчиво и осторожно похлопывал её по лицу. Она вздрогнула и открыла глаза.

- Ну, что, девонька, оклемалась?

Перед ней со свечой в руке стоял Мирон Елизарович. Маленький язычок пламени слегка подрагивал от его прерывистого дыхания.

- Что случилось? Где я? - Зоя обвела мутным взглядом, скрытую в полумраке, комнату.

- Бесов сын, проводку повредил. - В сердцах пожаловался старик. - Жалко, конечно...

Но на кой ляд она мне теперь. - Он тяжело и протяжно вздохнул.

Память вернулась быстро. Зоя внезапно вжалась всем телом в скамью и с ужасом уставилась на деда. Её глаза расширились, сердце на мгновение сжалось, а потом бешено заколотилось, глухо отдаваясь в рёбрах.

- Не бойся, милая. - Старик заметил страх в глазах девушки. - Не трону тебя. - Его голос был спокойным и по-отечески добрым.

Дед поднялся с табуретки, поставил свечу на стол и шаркающей походкой направился к плите. Зоя заметила, что он уже успел привести себя в порядок: на старике красовалась чистая белая рубаха.

Но, в комнате всё еще стоял густой запах крови.

Зоя осторожно скосила глаза на окно: на месте, выбитого пулей, стекла торчала белая тряпка, покрытая большими бурыми пятнами.

- Чай будешь? - Буднично, словно она забежала к нему на пару минут, спросил старик.

- Н-нет. - Голос Зои предательски дрогнул. - Спасибо.

- Ну, дело твоё. А я налью себе чуток. - Дед поднял алюминиевый чайник и плеснул в кружку кипятку. Сразу же запахло горьким, резким ароматом сушёных листьев.

- Кто вы? - Чуть слышно спросила Зоя.

- Я-то? - Вместо ответа, усмехнувшись, спросил старик. Он подошёл к столу и уселся напротив Зои, поставил на стол цветастую кружку. Шмыгнул носом. - Грешник я

большой. Во грехе родился, с грехом и остался. - Дед снова усмехнулся, но уже как-то грустно. - Упырями нас кличут. Слыхала, небось?

Зоя напряжённо кивнула: хотя старик и умыл лицо, но на бороде и в волосах всё ещё оставались следы застывшей крови.

В углу комнаты тихо заскулил Кирилл.

- Цыц мне там! - Незлобиво, чуть мотнув головой, прикрикнул на него Мирон Елизарович и снова посмотрел на Зою. - Мне, доча, почитай, уже годков триста будет. - Он с удовольствием отхлебнул из дымящейся чашки. - Я ведь родился при Петьке Антихристе, когда мои уже здесь, в глуши, жили. Ох, и загнал же нас, демон, в тайгуматушку... Здесь родился, здесь, видно, и помереть судьба. Доля у нас такая - упырями куковать.

- У вас? - У девушки замерло сердце.

- Ну, да. У нас. - Ощерился дед. - Ты, верно, думала, что один я, пень старый, здесь живу? Н-е-е-е-т, милая, тут у нас в каждом доме по уроду... - Старик вздохнул и снова неспеша, отхлебнул из чашки. В дрожащем свете свечи Зоя увидела, как озабоченно нахмурились его брови. - Да, толку-то... Не уберёг я род свой. Кто под землю ушёл, а кто по миру пошёл... Не живём мы здесь, девонька, - доживаем. Люд наш давно уже хоронится по гнилым подвалам да ходам. Видать век наш весь вышел - пора и честь знать...

За окном из чёрной темноты заброшенных домов раздался протяжный вой. Он тоскливо прокатился по дворам и затих где-то в глубине безлюдной улицы. Метель закончилась. Медленно падал белый, пушистый снег.

Зоя сняла очки и провела рукой по глазам. Чудовищно болела голова. На руках и на стёклах очков отчётливо были видны бурые пятна.

- Ну, пора нам, девка, прощаться. - Неожиданно засуетился старик. - Извини, что здесь такое непотребство учинил. Неправильные люди были, гнилые совсем. Вот поделом и получили. А ты, доча, иди себе. Хорошая ты. Ничего не бойся. Мои тебя не тронут.

Девушка нерешительно встала, оправила мятую юбку. Страх почти прошёл, но руки ещё дрожали. Она покосилась на изорванное тело Виктора Ивановича, видневшееся в луже крови за спиной старика.

- Спасибо, что живой оставили. - Зоя облизала пересохшие губы. - Век помнить буду...

- Она немного помолчала и робко спросила. - А, как дальше жить будете? Они вас в покое не оставят.

Дед тяжело поднялся, пригладил пятернёй седые волосы. Немного наклонил голову и прищурил глаза, вглядываясь в сумрак за окном.

- Нет нам больше здесь жизни: через месяц всех в бетон утрамбуют. Один путь - в город. - Черты лица старика на мгновение изменились, в них проступило что-то звериное. - Хоть напоследок кровушки вдоволь попьём. А там видно будет... Давай, иди, девка. Некогда мне с тобой лясы точить. - Он взял со стола огарок свечи и, неспеша, подошёл к Кириллу.

Рохлин сидел в углу, поджав ноги. Побелевшие от напряжения, пальцы намертво впились в колени, от слёз вспухли и покраснели глаза.

Старик присел перед мужчиной на корточки, поднял повыше свечу.

- Ну, что, соколик, поговоришь с дедом?

Зоя не хотела смотреть на то, что будет дальше. Она взяла со стола пухлую барсетку Кирилла, порылась в ней, достала ключи от машины. Осторожно, крепко зажмурив глаза, перешагнула через тело Виктора Ивановича и почти бегом бросилась в коридор, на ходу схватила с вешалки шубу.

Голос старика остановил её на пороге.

- Слышь, дочка, уезжай из города, если есть куда.

Зоя выскочила на крыльцо и захлопнула дверь.

На секунду остановилась, подставив разгорячённое лицо под холодный ветер, накинула на себя шубу и не застёгиваясь, побежала к калитке.

На улице было темно и тихо.

Девушка выпустила изо рта облачко пара и беспомощно огляделась.

Вдали на холме виднелись огни большого города. Где-то там кипела жизнь, стремительно проносились машины, смеялись люди. В ветринах магазинов яркими искрами переливались разноцветные новогодние гирлянды...

Тягучий скрип досок заставил её вздрогнуть и замереть на месте.

На противоположной стороне, занесённой снегом, дороги, тянулись покосившиеся заборы, за которыми во тьме возвышались дома с покатыми крышами. Несколько досок, прямо напротив Зои, снова качнулись, раздался тот же неприятный скрип. Затем доски раздвинулись в стороны, с верхушки кустарника за забором посыпался снег и в образовавшемся проёме появилась безобразная оскалившаяся широким ртом морда. Глаза твари поблёскивали жёлтым. Она подалась вперед, шумно втянула плоскими ноздрями морозный воздух. Увидев девушку, тварь припала к земле, почти распластавшись на снегу, и зарычала хрипло и зло.

Неожиданно мёртвая тишина ожила и наполнилась множеством звуков: по скату крыши, царапая когтями черепицу, ловко проползла, похожая на огромную кошку, чёрная тень, где-то осторожно скрипнула дверь, что-то заухало и заверещало...

Оцепенение прошло только тогда, когда за спиной девушки раздалось медленные, крадущиеся шаги. Зоя безумно вскинула руки и рыдая навзрыд бросилась бежать по заснеженной улице. Падая, снова поднимаясь и снова падая, больно сбивая ладони о замёрзшую корку льда.

Уже подбегая к машине, она с ужасом услышала, как из темноты донёсся долгий, мучительный крик Кирилла...

Copyright 2020

www.evgenygrishin.com

vk.com/id515622834

facebook.com/evgrishin

instagram.com/ev_grishin